

А. В. ИЛЬИЧЕВ,

заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП,

доктор филологических наук

ТРАГЕДИЯ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» И ЛЕТОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ

Работая над «Борисом Годуновым», А. С. Пушкин в первую очередь пытался создать русскую национальную историческую драму, то есть взглянуть на историю глазами национальной традиции, которую он находил как в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, так и в летописях. Б. П. Городецкий в качестве основного источника трагедии указывает на «Историю...» Н. М. Карамзина. Отдельно выделяет примечания, где обильно цитируются как исторические документы, так и русские летописи. Знакомство А. С. Пушкина с другими летописными источниками трудно установить, хотя существует мнение, что Пушкин знал «Сказание об осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы, и о бывших потом в России мятежах» Авраамия Палицына¹. Сам А. С. Пушкин замечает: «...Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий; в Летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени»².

Обращение к этим источникам дает возможность осознать их историософские концепции.

Начать следует со «Сказания...» Авраамия Палицына, в котором все беды смуты объясняются так: «И ныне всяк возраст да разумеет и всяк да приложит ухо слышать, ких ради грех попусти господь Бог наш праведное свое наказание и от конец до конец всея Россия, и како весь словенский язык возмутится, и вся места по России огнем и мечем поядены быша»³. Это — историософский зачин ко всему дальнейшему повествованию, придающий последующему описанию конкретных событий надэмпирический смысл. Как пишет В. В. Кусков, «причины бед есте содеяся во всей России» — «праведное гневобстрое наказание от Бога за вся та сотвореннаа от нас злаа»; победы, одержанные русским народом над иноземными захватчиками, — результат благодеяния и милосердия Богоматери и заступничества святых Сер-

гия и Никона⁴. Причины же Божьего наказания связываются Палицыным с убиением царевича Дмитрия: «Се первый грех да разумеется, таже по сем и другой: ни во что же положиша сю кровь неповинную вся Росия»⁵. Авраамий Палицын отражает одну из древнейших традиций в понимании истории, восходящую к Ветхому Завету, отразившуюся в «Повести временных лет»⁶ и характерную для всего русского средневековья, — понятие о каре Божьей⁷. Эта традиция получила название концепции «казней Божьих».

Согласно этой концепции, материальный ход истории осуществляется в соответствии с Божественным планом, предопределяющим тенденцию развития от сотворения мира к его концу. Многообразие событий, которые составляют содержание этого процесса, сложилось из самовластных действий человечества, которое получало воздаяние еще при жизни за уклонение от Божественных заповедей⁸. Действительно, И. П. Еремин, восстанавливая историософские представления русского летописца, отмечает, что у него «была своя „философия истории“». Реконструкцию ее облегчает нам сам летописец; имею в виду его многочисленные отступления от повествования, где он в порядке авторского комментария к своему рассказу касался иногда и вопросов общего, „философского“ характера. Все они, эти его „философские“ фрагменты... посвящены одной, по существу, проблеме — происхождению добра и зла... Решая вопрос о происхождении добра и зла, он тем самым осмыслял для себя весь ход исторического процесса. Для него, моралиста, эта тенденция — свести к этике всю „философию истории“ — естественна. В центре внимания летописца — проблема зла. Источник зла в мире — дьявол»⁹. Соответственно, источник

⁴ Кусков В. В. История древнерусской литературы. 3-е изд., испр. и доп. М., 1977. С. 190.

⁵ Сказание Авраамия Палицына С. 488.

⁶ Замалеев А. Ф. Виблейские основы историософии «Повести временных лет» // Замалеев А. Ф. Лепты: исследования по русской философии. СПб., 1996. С. 22–26.

⁷ О возрождении этой традиции в Смутное время см.: Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002. С. 248–254.

⁸ Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2000. С. 5–61.

⁹ Еремин И. П. Литература Древней Руси: этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 64.

¹ Городецкий Б. П. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов»: комментарий. Л., 1969. С. 28–43.

² Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: АН СССР, 1957–1958. Т. VII. С. 164–165.

³ Сказание Авраамия Палицына // Изборник: сб. произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 487.

добра в мире — Бог. И поэтому «преступление почти всегда, как правило, влечет за собою у летописца кару»¹.

В «Сказании...» Палицына это выражено прежде всего композиционно. Грех, введенный царем в государство, повлек за собой голод, начало разбойничества во всей Руси, появление расстриги Григория, который толкуется Палицыным как Антихрист, посланный Сатаной. Дальнейшее изложение приобретает еще более драматический характер: Антихрист Григорий в союзе с иноверцами пытается не просто захватить Русь, но искоренить последнее в мире государство, сохраняющее православную веру. При таком осознании событий взаимосвязь частного (грех царя) и общего (бедствие государства) становится закономерной. Это именно то единство действия, которое составляет, по А. С. Пушкину, единственный интерес драмы.

С летописной традицией можно связать еще одно очень яркое свойство пушкинской трагедии. Он отказывается от деления драмы на акты («не разделил своей трагедии на действия»²). Действительно, «...исследователи... вынуждены констатировать, что построение трагедии Пушкина не соответствует принципам, которые реализовал в своих пьесах Шекспир. У Пушкина нет обязательной для Шекспира последовательности действий, логического нарастания драматизма от акта к акту»³. Это приводит к существенным изменениям самой драматической структуры: все разнообразие действующих лиц, перенесение действия в разные места объединяется только единым потоком времени. В предисловии к «Истории...» Карамзин пишет: «Читатель заметит, что описываю деяния не врозь, по годам и дням, но совокупляю их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый — на свойство и связь деяний»⁴.

Комментарий Карамзина дает возможность пушкинское решение русской драмы соотнести с национальной летописной традицией, нашедшей свое отражение в «Повести временных лет». Начнем с указания на то, что принципы средневековых европейских и ви-

зантских хроник были существенно иными. Наиболее распространен в средневековой западной историософии жанр «королевских» или «императорских» хроник. «...В таких хрониках, равно и в византийских “Царских историях”, персональные деяния их владетельных героев составляют сюжетный каркас повествования по формуле <...> Вильяма Мэмсберийского — “Всякий исторический труд есть зеркало Государя”. Труды русских летописцев, во всяком случае домосковского периода, неизменно оставались зеркалом судеб Русской земли»⁵.

«Повесть временных лет» избирает совершенно иной композиционный принцип — хронологический. Героем хроники становится не князь, а как бы само время. Форма погодных записей «могла явиться у Никона под влиянием пасхальных таблиц (то есть таблиц, указывающих даты празднования Пасхи в каждом году). В этих таблицах нередко делались краткие летописные отметки»⁶. Совершенно естественно, что это структурное своеобразие привело к содержательным изменениям: «Летописец стремится видеть события с высоты их “вечного”, а не реального смысла. Часто отсутствие мотивировок, попыток установить причинно-следственную связь событий, отказ от реальных объяснений событий подчеркивает высшую предопределенность хода истории <...>. Прагматическая связь не описывается, <...> летописец намекает этим на существование иной, более важной связи <...> — связи, находящейся под законом вечности <...>. Прагматическую связь фактов он стремится не замечать, так как для него важнее их общая зависимость от Божественной воли»⁷.

В совокупности все указанные факты приводили к формированию определенной национальной традиции восприятия истории. Суть этой традиции удачно выражена Е. Н. Купреяновой: «Неизменное осуждение феодального “высокоумия”, “похвальбы”, “несытства”, тщеславия, междоусобия, военного авантюризма княжеско-боярской верхушки как самого тяжкого и пагубного для Русской земли греха пред Богом — вот что принципиально отличает ценностную структуру русского лето-

¹ Еремин И. П. Указ. соч. С. 51.

² Пушкин А. С. Указ. соч. Т. VII. С. 72.

³ Лотман Л. М. Судьба царей и царств в Библии и трагизм истории в «Борисе Годунове» // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина. Иерусалим, 2000. С. 102.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М., 1989. Т. 1. С. XIII. (Репринт издания 1842–1844 гг.).

⁵ Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Очерки и характеристики. Л., 1976. С. 31.

⁶ Лихачев Д. С. Великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 2. С. 101.

⁷ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 543–545.

писания от ярко выраженного сословно-феодалного характера ценностной структуры, на которую опирается западноевропейская хронистика и рыцарская литература»¹.

Обращаясь к исторической концепции Карамзина, подчеркнем его отношение к летописной традиции. «Для Карамзина, — пишет Г. П. Макогоненко, — летопись ценна прежде всего тем, что она открывала отношение к фактам, событиям и легендам современника их — летописца. <...> Постыжение точки зрения летописца, его “простодушия” и суда над современниками, в которых запечатлелся “дух времени”, было задачей Карамзина-художника. Карамзин-историк выступал с комментарием этой летописной версии событий»². В связи с этим напомним оценку Карамзина Пушкиным: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец... Нравственные его размышления своею иноческою простотою дают его повествованию всю прелесть древней истории»³.

Столь внимательное отношение Карамзина к древним летописям привело к восстановлению летописной традиции на ином уровне: «Высшей и главной силой, управляющей историческими событиями, — пишет П. А. Орлов, — Карамзин считал Божественный Промысел, или, как он часто называет его в своей “Истории” — “рок”. Что касается реальных исполнителей воли провидения, то ими, по его мнению, могут быть как отдельные лица, так и народные массы. Вся же суть <...> состоит в том, что ни те, ни другие не подозревают и не думают о своей высокой Божественной миссии, о своей провиденциальной роли и преследуют в своих действиях самые земные, самые подчас низменные и корыстные цели. Но, независимо от намерений, их поступки объективно совпадают с волей высшего промысла. “Ибо, — писал Карамзин, — от человека зависит только дело, а следствие — от Бога”»⁴.

Судьба Бориса Годунова принадлежит к числу тех немногих случаев, когда правитель при жизни, а не в запоздалом суде потомства понес суровое возмездие за совершенное им преступление. Даже человека, не

склонного к мистике, не могло не поразить это странное стечение обстоятельств. Что касается Карамзина, то он увидел в этом действие высшей силы. Повествование историка, когда он описывает историю падения Годуновых, поднимается до высокой вдохновенной патетики: «Сей человеческою мудростью наделенный правитель достиг престола злодейством... Казнь Небесная угрожала царю преступнику и царству несчастному»⁵. «Настало время явной казни для того, кто не верил правосудию Божественному в земном мире... Сие дело умыслил и совершил презренный Бродяга именем младенца, давно лежавшего в могиле... Как бы действительным сверхъестественным тень Димитриева вышла из гроба, чтобы ужасом поразить, обезумить убийцу и привести в смятение всю Россию»⁶.

Одним из первых, кто обратил внимание на то, что пушкинская драма завязана на мотиве Борисова греха, был И. В. Киреевский. В статье «Обзорение русской литературы за 1831 год» он пишет: «Очевидно, что и Борис, и Самозванец, и Россия, и Польша, и народ, и царедворцы, и монашеская келья, и государственный совет — все лица и все сцены трагедии развиты только в одном отношении: в отношении к последствиям царевубийства. Тень умерщвленного Димитрия властвует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий, служит связью всем лицам и сценам, расставляет в одну перспективу все отдельные группы и различным краскам дает один общий тон, один кровавый оттенок. Доказывать это значило бы переписать всю трагедию»⁷. Нужно отметить, что с этой оценкой И. В. Киреевского согласился А. С. Пушкин: «Ваша статья о Годунове и о Наложнице порадовала все сердца; насилу-то дождалась мы истинной критики»⁸.

Изложенные выше соображения позволяют иначе интерпретировать и саму пушкинскую драму, обнаружив в ней следование глубинным национальным традициям. Важно отметить, что литературные открытия, совершенные Пушкиным, осуществлялись на основе продолжения и углубления коренных основ русского самосознания.

¹ Куприянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Указ. соч. С. 40.

² Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век: проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII — начало XIX века. Л., 1981. С. 60.

³ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. VII. С. 136–137.

⁴ Орлов П. А. Трагедия Пушкина «Борис Годунов» и «История государства Российского» Карамзина // Филологические науки. 1981. № 6. С. 8.

⁵ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 10. С. 135.

⁶ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 11. С. 72–73, 120.

⁷ Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 85.

⁸ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. X. С. 404.